

Цзинь Линьэр прекрасно понимал, какая тяжкая ноша легла на его плечи. Он словно повзрослел в один миг: бывшая беспечность и лень испарились без следа, а страх перед изнурительными тренировками уступил место упорству.

Днем в Павильоне Вопросания Дао он постигал искусство меча под началом Чжоу Синъюня. Шаг за шагом в нем пробуждался дремлющий талант, унаследованный от предков из клана Чжао.

Линьэр отличался простотой ума и редко отвлекался на посторонние думы. Чему бы ни учил его наставник, он отдавался делу без остатка. Пусть ему не хватало изворотливости, чтобы схватывать все на лету и придумывать свои приемы, он никогда не искал легких путей. Фундамент его мастерства закладывался прочно, на века: каждое движение, каждый выпад он оттачивал до безупречного автоматизма. Поначалу в его технике не виделось ничего выдающегося, но со временем упорство принесло свои плоды — движения обрели завершенность и естественность речного потока.

Впрочем, Сунь Цинфэн выражался проще: главный талант парня заключался в умении получать тумаки. Любой другой на его месте давно бы пал духом, но маленький дьяволёнок обладал завидным здравомыслием. Он никогда не винил судьбу. Поплакав от боли во время очередной взбучки, он уже через минуту забывал о невзгодах и упрямо шел дальше. Пожалуй, в этой непосредственности крылась великая мудрость, принимаемая за глупость.

По вечерам, возвращаясь в Обитель Скопленных облаков, Линьэр приступал к освоению Божественного искусства Золотого облика под руководством Сунь Цинфэна. И здесь препятствия поджидали его на каждом шагу.

Учение делилось на две ступени: внутреннее сосредоточение — заклинание Золотого сияния, и внешнее мастерство — технику ладони Золотой тени. К тому же каждое поколение Хранителей печати клана Чжао привносило в наследие что-то свое: техники владения саблей, копьем, хлыстом... Разнообразие приемов кружило голову.

"Неужели я и впрямь унаследовал кровь великого рода Чжао? — уныло размышлял Линьэр. — Ну почему я уродился таким бестолковым?"

Заклинание Золотого сияния, пришедшее из глубокой древности, изобиловало туманными иносказаниями и запредельными истинами. Сколько бы Сунь Цинфэн ни разжевывал его суть, мальчишка хлопал глазами, улавливая лишь крохи смысла.

Раньше их совместные утренние занятия сводились к простейшему дыханию для успокоения ума. Но столкнувшись с настоящей практикой, Линьэр осознал горькую правду: он не способен даже направить внутреннюю силу по меридианам, не говоря уже о подчинении буйной истинной ци.

Раз уж природа не наградила его острым умом, оставалось уповать на старый дедовский метод — брать измором. Все часы, прежде уходившие на забавы и праздность, Линьэр теперь тратил

на укрощение строптивого трактата.

Небеса вознаградили его упорство. Спустя два месяца изнурительного, почти слепого труда разум его очистился. Накатила спасительная ясность, и в самой глубине существа затеплился, а затем и весело побежал по телу первый робкий ручеек истинной ци.

Основой Божественного искусства Золотого облика всегда оставалась внутренняя работа. Постижение заклипания Золотого сияния ознаменовало преодоление самого крутого подъема. Дальше путь пошел под уклон: тренировки наконец-то начали приносить плоды, и мастерство росло не по дням, а по часам.

Однако теперь перед серьезным испытанием предстал сам Сунь Цинфэн.

В былое время ему доводилось обучать лишь простых солдат да натаскивать юнцов на базовые приемы, принятые в здешних краях, что никогда не доставляло хлопот.

Но техника ладони Золотой тени не походила ни на одну из привычных систем боя.

Обычные стили насчитывали от силы десятков-другой движений. Здесь же ученику предстояло освоить сто восемь базовых стоек. Главная сложность крылась в том, что приемы на первый взгляд казались разрозненными. Каждый существовал сам по себе, но в то же время мог бесшовно перетекать в любой другой. Суть искусства укладывалась в одно слово — изменчивость. Недаром древние мастера говорили: «Один удар рождает три начала, каждое начало дробится на тысячу теней». В разгаре схватки движения бойца становились неуловимыми, превращаясь для стороннего наблюдателя в сплошное золотое марево.

У Линьэра от этих объяснений зашевелились волосы на затылке.

— Я за всю жизнь такое не выучу! — взмолился он в ужасе. — Слушай, брат, давай ты и в следующей жизни родишься моим старшим братом? Там и доучим!

Сунь Цинфэн отвесил парню увесистый шлепок пониже спины и прикрикнул:

— Постижение боевых искусств подобно восхождению на вершину. На гору Хуашань ведет лишь одна тропа, пробитая в скалах. Негоже поворачивать назад при первом же препятствии! С этого дня изволь зубрить названия стоек. Каждое утро, перед сном, на рассвете и закате — по сто раз, пока от зубов отскакивать не начнет!

Линьэр и сам понимал: обратного пути нет. Раз уж встал на эту стезю, глупо пятиться назад.

Но зубрежка давалась ему со скрипом. Вначале дело шло неплохо, но вскоре веки наливались свинцом, язык начинал заплетаться, и из уст ученика вылетали такие небылицы, что хоть стой, хоть падай:

— Луч рассвета... луна тонет в тысяче рек... девять кругов ада и... ураганный ветер?

Косясь на наставника и надеясь, что тот прослушал ошибку, Линьэр попытался поскорее замять оплошность:

— Солнце восходит, луна заходит... звезды спят над равниной...

— «Ледяной вихрь преисподней» и «звезды склоняются над равниной»! — оборвал его Сунь Цинфэн. — Тебе мало того, что ты дрыхнешь без задних ног каждую ночь? Теперь еще и звезды у тебя укладываются спать!

Линьэр со стоном повалился на пол и покатился по доскам:

— Да пришиби ты меня сразу, чего мучить!

Сунь Цинфэн бесцеремонно вздернул его за шиворот и заставил посмотреть себе в глаза:

— Неужто и впрямь решил все бросить?

— Хочу, — уныло протянул Линьэр, скорчив жалобную гримасу, — да только в голову ничего не лезет.

Сунь Цинфэн обреченно вздохнул:

— Ладно. Зубри сколько сможешь, все равно от твоей зубрежки толку мало. Начнем практику. Сколько приемов освоишь — все твои будут.

Мальчишка радостно взвизгнул, распахнул дверь и пулей вылетел во двор.

— Догоняй, братец! — крикнул он, обернувшись на пороге. — Или боишься, что у тебя терпения не хватит со мной возиться?

Сунь Цинфэн покачал головой. Даже если шельма Ху Цзю никогда не явится, чтобы исполнить условия их Двухсотлетнего уговора, этот бесенок рано или поздно доведет его до белого каления. Один этот сорванец шумел пуще целого птичьего базара.

Время в горах текло незаметно. Подкрались зимние холода, близился канун Нового года. Земли вокруг Обители Скопленных облаков сковало льдом и укрыло пушистым снежным ковром.

Линьэр, слишком увлекшись бегом, поскользнулся и с глухим стуком шмякнулся на лед,

проехав на животе добрых несколько чжанов.

Испугавшись, что тот расшибется, Сунь Цинфэн бросился на помощь. Но он позабыл простую истину: будь ты хоть трижды непревзойденным мастером, законам природы до этого дела нет. На скользком льду все равны.

Линьэр мертвой хваткой вцепился в протянутую руку и с силой дернул на себя. Сунь Цинфэн потерял равновесие и кубарем полетел прямо на него. Столкнувшись, они покатались по обледенелому склону, отчаянно цепляясь друг за друга, пока не застряли в сугробе.

Когда они наконец замерли, оказалось, что губы Сунь Цинфэна прижаты вплотную к губам Линьэра.

Тот от неожиданного подарка судьбы мгновенно сориентировался: запустил пальцы в волосы на затылке Сунь Цинфэна и крепко зафиксировал, не позволяя отстраниться.

Оторопев от такой наглости, Сунь Цинфэн с силой оттолкнул мальчишку и вскочил на ноги.

— Ты что творишь, с ума сошел?!

Линьэр неторопливо утер губы рукавом. Как он ни старался сдержать ухмылку, шальные искорки в глубине глаз выдавали его с головой.

— Ох, братец, — невинным голоском пролепетал он, — и не думал, что на горе Хуашань так лютует мороз. Губы так и примерзают друг к другу. Ты сам-то не ушибся?

Сунь Цинфэн яростно тер рот ладонью, скрипя зубами от досады:

— Прекрасно я себя чувствую!

— Точно ничего не болит? — участливо поинтересовался наглец.

— Сказал же — нет!

— Ты сердишься на меня?

— Вовсе нет!

— Значит, я тебе все-таки нравлюсь?

Сунь Цинфэн, вконец изведенный расспросами, рявкнул в сердцах:

— С чего бы нет?!

Линьэр тут же получил еще один подзатыльник, но ничуть не расстроился. Напротив, его душа пела. В мыслях он услужливо переиначил этот короткий диалог на свой лад:

" — Ты ведь любишь меня?

— Разумеется"

Сделав вид, будто ничего не произошло, Сунь Цинфэн с каменным лицом взял парня за руку и увел на защищенную от ледяного ветра поляну.

Пять лет они делили невзгоды и радости. Линьэру исполнилось семнадцать. Время пролетело незаметно: некогда маленький сорванец, едва доставший Сунь Цинфэну до пояса, теперь вытянулся и дышал ему в плечо.

Сунь Цинфэн скользнул взглядом по его лицу. Юношеские черты заострились, возмужали. Лоб перехватывала налобная лента с нефритовым знаком Великого предела, подчеркивая черноту глубоких глаз и одухотворенность лица. В груди шевельнулось странное чувство непривычности — он поймал себя на мысли, что перестает видеть в нем просто ребенка.

Этот маленький дьяволёнок разительно отличался от своих предшественников, прежних Хранителей печати Культа Золотого света. Более того, Сунь Цинфэну казалось, что за все долгие два века его земного пути ему не доводилось встречать никого, кто был бы хоть немного похож на Линьэра.

Сунь Цинфэн понимал: он увяз по уши. И спасения нет.

Чтобы болезнь сердца не переросла в неизлечимую лихорадку, он раз за разом отталкивал парня, стараясь держаться на расстоянии. Только это хрупкое отдаление и спасало его от окончательного безумия.

Но долг наставника требовал иного: во время тренировок им приходилось стоять лицом к лицу, иначе как указывать на ошибки в стойках?

— Отодвинься на пару шагов, — недовольно проворчал Сунь Цинфэн, снова отпихивая ученика.
— Вплотную стоишь, ничего не разобрать.

Линьэр во все глаза всматривался в раскрытую ладонь наставника, ловя малейшие изгибы пальцев. Но когда пришел черед повторять движение самому, он окончательно запутался.

Пальцы одеревенели, начали судорожно дергаться.

— Не могу я так далеко стоять! — взмолился юноша, готовый разрыдаться от бессилия. — Ничего же не видно!

— Ты что, ослеп? — сурово прикрикнул Сунь Цинфэн. — Кого ты винишь в собственной бестолковости?

Линьэр растерянно уставился на собственные ладони.

— Пусть я и глуп, но стараюсь изо всех сил, — тихо пробормотал он, шмыгая носом. — Просто эти приемы... в них столько тонкостей, неуловимых движений.

Сунь Цинфэн щелчком запустил в него мелким камешком, угодив точнехонько в центр ладони.

— Перестань корчить несчастного! Ну-ка, дай сюда руку, покажу еще раз.

Линьэр мгновенно придвинулся вплотную, протягивая ладонь. Теперь их разделяло едва ли полвершка.

От этой близости перехватывало дыхание. Стоило Линьэру взмахнуть ресницами, как Сунь Цинфэну чудилось, будто этот мягкий веер ласкает его собственную щеку.

Несмотря на пронизывающую стужу, на лбу Сунь Цинфэна выступили бисеринки пота. Он сжал ладонь ученика. Несмотря на то что рука повзрослела, она осталась прежней — удивительно мягкой и горячей.

"Ему бы не мечом махать, — промелькнула в голове шальная мысль, — а греть пальцы в чьих-то ладонях"

Опомнившись, Сунь Цинфэн мысленно выругал себя за глупость и буркнул с напускным раздражением:

— Неженка. Тебе бы только технику Железной ладони осваивать с такой мягкой кожей.

Юноша непонимающе воззрился на него, в глубине его влажных глаз все еще таились слезы.

У Сунь Цинфэна сдавило горло. Он поспешно отвел взгляд в сторону.

— Она простая. Как раз для таких олухов, как ты.

Линьэр послушно подогнул большой палец, мизинец и безымянный.

— Мы как раз остановились на приеме "Снежный журавль пронзает облака". Поджать три пальца, выпрямить два и направить истинную ци к кончикам указательного и среднего.

Сунь Цинфэн бережно расправил его пальцы.

— Любой прием видоизменяется тысячи раз, но суть его остается неизменной. Запомни раз и навсегда: внешняя форма, все эти красивые стойки — дело второстепенное. Главное — заставить силу работать на тебя. Скажи мне, в чем истинный смысл "Снежного журавля"? Зачем поджимать три пальца, оставляя лишь два?

— Ну... чтобы бить врага? — неуверенно предположил Линьэр. — А все эти изгибы и стойки, наверное, придумали древние мудрецы, когда писали трактаты.

Сунь Цинфэн без видимого усилия ткнул пальцами в ствол вековой сосны. Кора треснула, явив два глубоких следа.

— Смысл этого удара — поразить уязвимую точку, — пояснил он. — Ладонь бьет по площади, а сосредоточив силу в двух пальцах, ты сможешь наносить точечные, смертоносные уколы. Что до остальных трех пальцев — держи их как угодно, лишь бы это не мешало току внутренней энергии. Главное, прекрати трясти ими, словно от голода подышаешь!

Линьэр удивленно округлил глаза:

— Понял! Мало выучить само движение, надо понимать, зачем оно нужно.

Сунь Цинфэн одобрительно кивнул:

— Не безнадёжен.

С тех пор каждый вечер перед сном Сунь Цинфэн рассказывал юноше о смысле приемов Золотой тени. Эти рассказы походили на сказки странствий: он делился многолетним боевым опытом, объяснял, какие нюансы движений спасают жизнь в реальном бою, а на какие можно закрыть глаза.

Линьэр пользовался случаем: тишком пробирался под одеяло к наставнику и сворачивался под его боком, притворяясь бесшумной и жаркой жаровней, не требующей угля.

Сунь Цинфэн от природы плохо переносил холод. Но дело было не только в этом: он словно примирился со своей участью и больше не гнал парня прочь. Иногда он брал ладонь Линьэра в свою и легонько вел сомкнутыми пальцами по чувствительной коже, показывая направления

движения внутренней энергии.

Тусклый свет масляного светильника отбрасывал их общие очертания на стену. Линьэр заворуженно наблюдал за игрой теней. Он бессознательно сжимал пальцы наставника и прижимался теснее к его груди, мечтая лишь о том, чтобы их силуэты слились в один единый контур.

Они проводили вместе слишком много времени. Не прошло и недели, как все премудрости теории были исчерпаны. Видя, как Линьэр с каждым днем льнет к нему все сильнее, Сунь Цинфэн не на шутку встревожился.

"Мы и так уже делим одну постель, — думал он в смятении. — Что же будет дальше?"

Пытаясь совладать с нарастающей растерянностью, он предпринял последнюю попытку вернуть прежние границы.

На закате, во время очередного урока, Линьэр вновь потянулся к рукам наставника, заглядывая ему в лицо.

Сунь Цинфэн мягко отстранил его:

— Хватит глазеть на меня, так ты до старости ничему не научишься. А ну-ка, повернись спиной и покажи связку, а я прослежу за твоими движениями.

Это была лишь уловка, попытка выгадать время. Не видеть чужих глаз, не ловить дыхание — так дышалось гораздо легче.

По небу вихрем кружилась колючая снежная пыль, укрывая горные кручи панцирем из сверкающего наста.

Сквозь эту белую круговерть Сунь Цинфэн, стараясь сохранить холодную отстраненность, принял к юноше со спины. Его руки едва ощутимо касались запястий, локтей и плеч Линьэра, направляя его движения, помогая разворачивать корпус и наносить удары.

Вряд ли он отдавал себе отчет в том, что между их телами не оставалось и вершка свободного пространства.

Линьэр улавливал каждое прикосновение теплого дыхания к мочке уха, а тихий шепот наставника отдавался дрожью где-то глубоко в груди.

Ему безумно хотелось забывать обо всем, растворяться в этой мимолетной нежности и, быть может, позволить себе лишнего.

Но, поразмыслив, он укротил свои порывы. Нарушать таинство тренировки глупостями не хотелось.

"Настоящий мужчина не должен раскисать из-за глупых нежностей! — сурово твердил он себе. — Сначала дело, а брат никуда не денется"

Линьэр отбросил лишние мысли и полностью сосредоточился на движениях.

Они едва касались друг друга, пресекая любые пустые разговоры. Время, которое могло стать часом хрупкого сближения, уходило на суровую, изнурительную работу.

И все же капля за каплей наполнялась чаша.

Каждое наставление Сунь Цинфэна ложилось в память юноши незыблемой истиной.

Каждое движение, каждый поворот корпуса врезались в самую плоть Линьэра, становясь его естеством.

А те робкие удары сердца, что казались отринутыми в пылу тренировок, никуда не исчезли — они лишь затаились, прорастая глубокими корнями в саму их жизнь.

Как-то на рассвете они сидели бок о бок на самом краю утеса, погруженные в созерцание.

Они молчали, но безмолвие это объединяло их крепче любых слов. Казалось, их души растворились в суровых горных кручах, слились со снежными вихрями и унеслись далеко за облака, где время теряет свою власть. Этот миг вместил в себя вечность.

Они оба чувствовали: нечто великое и незыблемое уже пустило прочные побеги в их сердцах, и никакие бури судьбы не способны вырвать эти корни.

Невысказанным признаниям не требовалось слов — хватало одного случайного взгляда.

Пред лицом этого бескрайнего мира человеческая жизнь казалась лишь краткой вспышкой. Стоило ли тратить драгоценные мгновения на пустые сомнения?

Сунь Цинфэн сокрушенно покачал головой и негромко усмехнулся собственным мыслям:

— Коли все зашло так далеко, к чему теперь глупое упрямство? Какая разница, признаю я это или нет?

Линьэр испуганно захлопал глазами:

— Признаешь? В чем это? Братец, я же в последнее время ничего предосудительного не совершал!

Сунь Цинфэн выразительно зыркнул на него:

— Ты ни при чем. Это моя вина.

— Да как у тебя язык поворачивается такое говорить! — шутливо возмутился Линьэр. — Ты безгрешен, а если сердишься — значит, это я где-то сглупил.

— Мою вину вздумал у меня отобрать, паршивец? — шутливо прикрикнул Сунь Цинфэн.

Он резко вытянул руку, сгреб Линьэра за плечи и крепко прижал к себе, заставляя смотреть на расстилающиеся внизу снежные просторы.

Линьэр замер, внезапно смутившись. Он долго переминался с ноги на ногу, пряча лицо, а потом тихо проговорил с улыбкой:

— Братец... я ведь тоже тебя люблю.

Сунь Цинфэн тихо хмыкнул и уткнулся подбородком в его макушку:

— Знаю.

Снежинки ложились на плечи шестью гранями, а на склонах распускался дикий мейхуа с пятью лепестками. Горы вздымались к облакам, реки несли свои бурные воды вдаль. За все долгие два века Сунь Цинфэн еще никогда не видел мир столь прекрасным.

Поначалу их разделяла ладонь. Затем — лишь сжатый кулак.

Время шло. К тому дню, когда Линьэр безупречно освоил девятую стойку ладони Золотой тени, Сунь Цинфэн больше не пытался отдалиться. Теперь они стояли плечом к плечу, и между ними не осталось преград.